

- Justinian. München, 1959. Т. 4, Bd. 1: Die Literatur des vierten Jahrhunderts.
Schlumberger J. Die Epitome de Caesaribus: Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jahrhunderts n. Chr. München, 1974. (Vestigia; Bd. 18).
Seeck O. Bassianus. 4 // PWRE. [Stuttgart]. 1897. HBd. 5.
Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1897. Bd. 1.
Shore B. TwiceBorn, Once Conceived: Meaning Construction And Cultural Cognition // American Anthropologist, 1991. Vol. 93, N. 1. March.
Sirnelli J. Les vues historiques d'Eusèbe de Césarée durant la période prénicéenne. Paris, 1961.
Smith J. H. Constantine the Great. L., 1971.
Stein E. Histoire du Bas-Empire. Bruges, 1959. Т. 1 : De l'État Romain à l'Etat Byzantin (284—476).
Stephenson P. Constantine: Roman Emperor, Christian Victor. N. Y., 2009.
Straub J. Konstantins Verzicht auf den Gang zum Kapitol // Straub J. Regeneratio imperii. Darmstadt, 1972.
The Roman Imperial Coinage / ed. C. H. V. Sutherland. London, 1966. Vol. VII. Constantine and Licinius A. D. 313—337.
Theophanis chronographia Vol. 1 / rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
Taylor C. Interpretation and the Sciences of Man // Review of Metaphysics. 1971. 25.
Van Dam R. The Roman Revolution of Constantine. Cambridge, 2009.
Vogt J. Constantin der Grosse and sein Jahrhundert. München, 1973.
Weitzmann K. Age of Spirituality. Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art. November 19.1977, through February 12.1978 (The Metropolitan Museum of Art). N.Y., 1979/1980.
Westerhuis D. J. A. Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior. Diss. Campis, 1906.
Zosime Histoire nouvelle. Т. 1 (Livres 1 et 2) / texte etabl. et trad. par F. Paschoud. P., 1971.

УДК 94(47)084.3

М. А. Фельдман

БЫЛИ ЛИ РАБОЧИЕ РОССИИ ИНИЦИАТОРАМИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

Исследуются проблемы выбора экономического курса Советского государства осенью 1917 — в первые месяцы 1918 г. Рассматривается роль рабочих в определении методов национализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рабочие; национализация; промышленность; Совет.

Для анализа одного из важнейших этапов советской истории попытаемся ответить на ряд вопросов.

• Имела ли партия большевиков цельную концепцию или хотя бы теоретические наработки по реализации системы рабочего контроля? В работах советских авторов нет указаний на существование такой концепции. По признанию большевика С. А. Лозовского, видного деятеля профсоюзного движения, «несмотря на то, что рабочий контроль фигурировал на всех знаменах и во всех резолюциях, он был покрыт какой-то мистической таинственностью. Партийная пресса мало писала об этом... и когда грянула Октябрьская революция... то обнаружились на этот счет большие разногласия среди сторонников этого лозунга» [Чураков, 2002, с. 542].

Д. О. Чураков, наиболее глубоко исследовавший указанную проблему в постсоветский период, обратил внимание на типичность (для большевистской элиты) высказывания С. А. Лозовского. Отсутствие теоретических разработок вообще, единого понимания сути и содержания лозунга рабочего контроля привело к тому, что II Всероссийский съезд Советов не принял никаких документов о рабочем контроле. С учетом роли II Всероссийского съезда Советов в законотворчестве новой власти, это заведомо снижало статус будущего закона [см.: Там же, 2002, с. 542—543].

Более того, отсутствие сколько-нибудь цельного понимания роли системы рабочего контроля обусловило о ж е с т о ч е н н ы е д и с к у с с и и по этой проблеме. Суть дискуссий (каким быть рабочему контролю — государственным или рабочим?) выдавала царившую в рядах большевистского руководства идейную неразбериху и раскол. Тем не менее к 14 ноября 1917 г. (моменту принятия декрета о рабочем контроле) вопрос рассматривался только в одной плоскости: использовать ли потенциал рабочих организаций для плановой экономики или нет? Примат заветной цели — централизованного социалистического производства — не вызывал сомнений. Хотя в дискуссиях декабря 1917 — начала 1918 г. еще прослеживались две противоположных позиции: одна сторона высказывается за всевластие в экономике уже существовавших рабочих организаций; другая — за необходимость их приспособления к потребностям «рабочего» государства [см.: Там же, с. 544—545]. Незыблемый постулат марксизма (рассмотрение промышленного производства как единой фабрики) подкреплялся опытом централизации и милитаризации производства в годы Первой мировой войны.

Таким образом, отсутствие теоретической разработанности проблемы рабочего контроля обусловило кратковременность дискуссии о его роли и повлияло на скоротечность опыта применения такой формы рабочего самоуправления.

• Существовал ли успешный опыт действия рабочего контроля в дооктябрьский период? Судьба рабочего контроля была тесно связана с созданием фабрично-заводских комитетов, зачастую непосредственно осуществлявших функции рабочего контроля. Еще в 1964 г. П. В. Волобуев отметил: одним из побудительных мотивов принятия закона о фабрично-заводских комитетах (ФЗК) было намерение создать орган местного фабрично-заводского рабочего представительства, способствующего мирному урегулированию взаимоотношений между предпринимателями и рабочими [см.: Волобуев, с. 327—328]. Прерогативы профсоюзного движения были существенно расширены принятием Временным правительством 23 апреля 1917 г. Положения о рабочих комитетах, узаконившего статус ФЗК и определившего их функции представительством материально-бытовых и культурных нужд рабочих перед предпринимателями и правительством [Собрание, с. 540, 551]. Правительство, легитимировав уже возникшие органы, узаконило и форму мирного урегулирования взаимоотношений «антагонистических» социальных слоев. Следует отметить, что подобное урегулирование большевиками рассматривалось как «соглашательство и отступление от революционности» [История советского рабочего класса, с. 57].

Д. О. Чураков справедливо пишет о том, что после Февральской революции движение рабочих за свою самоорганизацию вылилось в создание различных форм самостоятельных организаций, в том числе и фабрично-заводских комитетов [Чураков, 1998, с. 25]. Логика исследования требовала уточнения: что из себя представляла «наиболее активная часть пролетариата, стянутая в ФЗК»?

К сожалению, ни в советский, ни в постсоветский период историческая литература не дает ответа на данный вопрос. Статистические сведения о численности фабзавкомов России на основе материалов промышленной и профессиональной переписи 1918 г., впервые введенные в научный оборот В. З. Дробижевым в 1966 г. [см.: Дробижев, с. 45—55], однако, в силу идеологических запретов, фактически оставленные без научного анализа, позволяют сделать ряд наблюдений. Во-первых, до Октябрьской революции 1917 г. фабзавкомы существовали только на 22,5 % , а к осени 1918 г. — на 48,1 % промышленных предприятий России.

Во-вторых, половина всех ФЗК, возникших с февраля по октябрь 1917 г. (1 070 из 2 151), приходилась на две наиболее революционизированные столичные губернии — Московскую и Петроградскую. Несложный подсчет показывает, что если в Московской и Петроградской губерниях к октябрю 1917 г. фабзавкомы существовали на 40 % промыш-

ленных предприятий, то в провинциальных губерниях только на каждом седьмом предприятии.

В-третьих, численность членов фабзавкомов была крайне невелика, составляя к осени 1918 г., по данным В. З. Дробижера, 4 398 человек. Даже с учетом неполноты данных о всей промышленности (промышленная и профессиональная перепись охватила 54,6 % всех промышленных предприятий России 1913 г. [см.: Дробижер, с. 24, 54—56]), сложности учета членов фабзавкомов в условиях частого перемещения кадров ФЗК в учреждения разрастающегося советского аппарата и общего «угасания» огосударственных ФЗК приведенный показатель свидетельствует скорее о незначительности «наиболее активной части пролетариата», поверившей в способность самих рабочих управлять производством.

С точки зрения количественных параметров эта социальная группа немногим могла помочь строительству советского хозяйственного аппарата. Показателен факт, содержащийся в книге В. З. Дробижера: из 10 650 работников ВСНХ (по переписи служащих советского государственного аппарата 1922 г., т. е. на пятом году советской власти) рабочих насчитывалось всего 2,8 %. Подлинная доля рабочих была значительно меньше, т. к. автор «за рамками исследования оставил самую многочисленную категорию служащих — обслуживающий персонал (курьеры, экспедиторы, машинистки)». В итоге в книге сообщается только о 22 рабочих по социальному происхождению — сотрудниках ВСНХ [Там же, с. 230].

В-четвертых, в монографии Д. О. Чуракова отмечается, в каких секторах промышленности наибольшее распространение получили ФЗК: к ним отнесены текстильная, стекольная, металлургическая и топливная отрасли [Чураков, 1998, с. 24—25, 57]. Между тем перед нами отрасли с наибольшим представительством выходцев их деревни в рабочей среде. В этой связи сомнителен перенос интересов и настроений недавних пролетариев на всю массу рабочих. Как видно, основную массу рабочих, вошедших в ФЗК в дооктябрьский период, составила относительно немногочисленная группа недавних пролетариев, занятых преимущественно на столичных предприятиях.

Д. О. Чураков обоснованно отмечает стихийный характер появления и распространения фабрично-заводских комитетов, однако внезапный вывод об «устойчивом иммунитете ФЗК к чрезмерному давлению извне... как после февраля, так и после октября» [Там же, с. 25] не находит подтверждения в его исследовании, кроме упоминания об отдельных акциях рабочих против представителей заводской администрации. Все последующее содержание книги как раз подтверждает другой тезис автора: ФЗК с самого начала стали ареной острых столкновений противоборствующих политических группировок [Там же, с. 25, 57].

В соответствии с традициями советского прошлого автор рассматривает ФЗК как органы, априори готовые к управлению производством. Создание ФЗК и распространение различных форм рабочего контроля над производством, по мнению Д. О. Чуракова, «подразумевало со стороны рабочих определенный уровень понимания технологических и административных вопросов, умение разбираться в сложной ситуации на рынках и т. д.». Однако далее автор на базе конкретных фактов и обобщенной статистики показывает: только в 3 % случаев деятельности ФЗК в дооктябрьский период выявлены факты финансового контроля, в 2 % случаев — работа по переориентации производства. Основным же занятием ФЗК стали сбор на предприятиях того, что «плохо лежало», поиск топлива и сырья. Самостоятельные действия рабочих, как видно, были существенно уже рамок функционирования производственной жизни предприятия. Эффективность такой работы ФЗК была невелика, справедливо заключает автор [Чураков, 1998, с. 122—123, 130, 143]. Можно только поздравить автора с действительно выдающимся научным открытием: он показал полную непригодность ФЗК к управлению производством через различные формы рабочего контроля.

Работа Д. О. Чуракова подвела статистическую основу под яркое и точное наблюдение П. В. Волобуева о том, что к моменту Октябрьской революции рабочий контроль «был несовместным, раздробленным, несистематическим, кустарным, распространялся только на отдельные стороны деятельности предприятий» [Дробижев, с. 48—49].

Каким же образом эта система ФЗК к октябрю 1917 г. могла стать главной силой, «сдерживавшей тяжелый кризис», очагом «выросшей снизу новой революционной государственности», несшей к тому же «значительный заряд конструктивности и демократизма»? [Чураков, 1998, с. 78, 82], читателю остается только догадываться. Признание неграмотных или малограмотных рабочих заведомо способными к управлению сложными технологическими и финансовыми процессами следует считать методологическим просчетом автора в целом содержательной монографии.

Отсутствие успешного опыта действий рабочего контроля в дооктябрьский период позволяло историкам сделать вполне определенные выводы о потенциале и перспективах органов рабочего контроля; о подлинном их предназначении в планах леворадикальных партий. Уже весной 1917 г., обоснованно указывает Д. О. Чураков, рабочие фабзавкомы постоянно выходили за рамки обычной работы предприятий, устанавливая надзор за деятельностью административно-технического персонала или беря на себя некоторые хозяйственно-распорядительные функции. Зачастую вместо контроля присваивались функции найма

и увольнения. Фабзавкомы принимали активное участие в «очистке»(!) предприятий от нежелательной части административно-технического персонала (по данным МВД 83 % всех выступлений рабочих весной 1917 г. происходили на этой почве [Чураков, 1998, с. 78, 82].) Рабочие фабзавкомы стали формой объединения рабочих на принципах общинного менталитета и противопоставления трудовых коллективов хозяевам на антибуржуазных основах [см.: Там же, с. 31—41].

Но кто же стал инициатором столь быстрой радикализации ФЗК? Развитие ФЗК контролировалось Советами. Однако процесс постепенной большевизации Советов означал усиление влияния леворадикальных сил в фабзавкомах. Именно под влиянием леворадикальных сил на рубеже весны — лета 1917 г. ФЗК были поставлены перед задачей «перехода от защитных функций к рабочему контролю» — в контексте отрицания всей системы ценностей буржуазного общества [Там же, с. 46, 50, 56]. Возникнув, как структуры, предназначенные для мирного урегулирования взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, фабзавкомы с лета 1917 г., попав под большевистский контроль, были нацелены на политические цели, противоположные первоначальным задачам. К моменту октябрьского переворота органы рабочего контроля показали неспособность к сколько-нибудь эффективному управлению производством.

- Каковы были реальные масштабы распространения рабочего контроля? Удивительно, факты свидетельствуют, что накануне Октябрьской революции органы рабочего контроля из учтенных 2 371 предприятия существовали только на 306 (12,9 %) [История советского рабочего класса, с. 96]. Этот факт не получил пока должной оценки и осмысления историков. Между тем приведенный показатель убедительно демонстрирует не только локальный характер распространения рабочего контроля в дооктябрьский период, но и слабую заинтересованность в нем самих рабочих. Собственно говоря, с учетом активности большевистской партии в деле создания фабзавкомов, перед нами показатель реального влияния леворадикальных сил на промышленных рабочих России.

Подобный вывод заметно усиливается, если выявить истинное значение термина «учтенные предприятия». По данным В. З. Дробизева, к моменту Октябрьской революции приведенный выше показатель (306 предприятий) составлял не 12,9 %, а 3,2 % всех промышленных предприятий. На средних и крупных фабриках и заводах этот показатель возрастал до 10,8 % [см.: Дробизев, с. 51]. Как видно, лукавство в отборе

«нужных учтенных» статистических данных в советский период было довольно обычным занятием.

Показателен и территориальный срез органов рабочего контроля, возникших до Октябрьской революции. 163 фабзавкома из 306 или (53 % всех ФЗК) приходились на наиболее революционизированные столичные губернии — Московскую и Петроградскую [см.: Там же, с. 54], отражая глубокое различие революционного потенциала столичных и провинциальных рабочих.

Что же изменилось после победы пролетарской революции? С учетом осторожного упоминания Е. Н. Городецкого о неравномерном распространении рабочего контроля в отраслях промышленности России [см.: Городецкий, с. 218] (действительно, например, в черной металлургии России к октябрю 1917 г. орган рабочего контроля действовал только на одном предприятии [см.: Дробижев, с. 52]) и того, что к осени 1918 г. органы рабочего контроля были созданы менее чем на четверти (24,8 %) промышленных предприятий Советской России и даже далеко не на всех крупных промышленных предприятиях, насчитывавших свыше 1 тыс. человек (84 %), можно сделать вывод о неоднозначной реакции рабочих России на призывы большевиков к повсеместному созданию фабзавкомов и введению рабочего контроля за производством не только в дооктябрьский период, но и на протяжении первого года существования Советского государства. Об этом же говорит и незначительность числа входивших в органы рабочего контроля осенью 1918 г. — 2 371 человек [см.: Там же, с. 46—47].

Характерно, что созданный уже после Октябрьской революции Всероссийский совет рабочего контроля фактически не действовал, собравшись на заседание всего один раз для принятия инструкции для органов рабочего контроля, оказавшейся, как показало время, невостребованной, т. к. она не получила «никакой поддержки в рабочих массах» [Чураков, 2002, с. 181]. В исторической литературе советского периода это объяснялось «саботажем меньшевиков, попавших в этот орган». Однако выборный характер органов рабочего контроля говорил скорее об ином: органы рабочего самоуправления осознавали несхожесть своих собственных интересов с интересами советской власти. И как (без тени иронии) отметил А. М. Панкратова в 1923 г., в первые месяцы 1918 г. ФЗК «не хотели умирать так рано» [Панкратова, с. 262].

• Был ли антагонизм рабочих и предпринимателей в данный период непреодолимым? В дооктябрьский период с принятием 5 августа 1917 г. Положения о примирительных камерах создавалась законодательная основа для установления социального партнерства на промышленных

предприятиях. С лета 1917 г. в стране наметилась тенденция к организации примирительных камер при отраслевых профсоюзах и их объединению. Примером в этом вопросе выступал Петроград. Третья Всероссийская конференция профсоюзов 20—28 июня 1917 г. рекомендовала профсоюзам всемерно содействовать организации примирительных камер [Ходяков, с. 40].

Идея создания примирительных камер нашла поддержку в провинции. Так, на Урале летом — осенью 1917 г. опыт функционирования примирительных камер продемонстрировал неудачу там, где нарушался принцип паритетного представительства рабочих и администрации (например, в Челябинске), и, напротив (например, в Уфе), при соблюдении такого принципа городская примирительная камера была организована при участии трех общественных сил — Совета, Союза торговли и промышленности и Комитета общественных организаций и фактически выполняла роль третейского суда [Ходяков, с. 47—49]. Но главное заключалось не в этом. В условиях стремительного нарастания поляризации социальных сил, нацеливания большевиками всех рабочих организаций на захват власти придание законодательной основы деятельности примирительных камер способствовало разрешению трудовых конфликтов в промышленности только на отдельных предприятиях. О нереализованном потенциале примирительных камер говорит и такой факт: после Октябрьского политического переворота, нанесшего серьезный удар по существованию примирительных учреждений, последние продолжали свою работу (на частных предприятиях) вплоть до лета 1918 г.(!) Национализация крупной промышленности декретом от 28 июня 1918 г. лишила смысла существование примирительных камер в Советской России, объективно обостряя отношения между рабочими и инженерно-техническим персоналом [см.: Там же, с. 53—56]. Данный успешный прецедент деятельности примирительных камер в России в 1917 г. не был осмыслен не только политическими лидерами, но и историками, лишив общество важного опыта решения трудовых конфликтов.

После Октябрьской революции сохранение примирительных камер не являлось единственным каналом взаимодействия рабочих и предпринимателей. С 3 декабря 1917 г. по 14 апреля 1918 г. на высоком правительственно-профсоюзном уровне шли переговоры с группой российских капиталистов во главе с А. П. Мещерским. Рассматривался вариант создания гигантского государственно-капиталистического треста из крупнейших машиностроительных и металлургических предприятий [Филоненко, с. 16—25].

Ход переговоров примечателен, во-первых, степенью возможных уступок с предпринимательской стороны: снижение с 50 до 10 % числа директорских мест в главном совете будущего треста, готовность отказа от акций при получении обязательства выплаты 150 млн рублей без указания срока уплаты. Вариант использования опыта специалистов управления и капиталов заводчиков, как видно, не был угрозой советской власти [Ходяков, с. 54—55], но все же создавал возможность компромиссного решения проблем социально-экономического развития, а в случае успешных переговоров (и распространения такой практики в провинции) позволял остановить сползание страны к Гражданской войне.

Во-вторых, за достижение компромисса выступило большинство большевиков, ставших хозяйственниками и за короткий срок пребывания на конкретной управленческой работе осознавших глубину катастрофического положения российской промышленности [см.: Филоненко, с. 18—19, 23]. Однако решающее слово осталось за политическими руководителями во главе с В. И. Лениным, связанными партийными установками и идеологическими постулатами. Более того, судьба важнейшего вопроса оказалось разменной монетой во внутрипартийной борьбе. Выдвинутые А. П. Мещерским доказательства приоритетной задачи треста — получения высокой прибыли путем воздействия на рынок специфическими для него свойствами (более высокой технической оснащенностью и специализацией производства и т. д.) — оказались отвергнутыми вчерашними подпольщиками, понимающими организацию крупной промышленности только на началах национализации и в принципе отвергающих российское предпринимательство как метод организации и управления промышленностью [см.: Там же, с. 12, 22].

Характерно, что в решающие дни переговоров (11—14 апреля 1918 г.) представители самих рабочих в лице лидеров Всероссийского союза рабочих-металлистов высказались за принятие проекта А. П. Мещерского полностью! Однако доверчивость рабочих к представителям «пролетарского государства» обернулась передачей окончательного решения вопроса на усмотрение президиума ВСНХ. Последний под влиянием политического руководства принял решение прекратить переговоры с группой А. П. Мещерского [Филоненко, с. 24—25]. Приведенный материал показывает не только отсутствие непреодолимого антагонизма между рабочими и капиталистами, но и наличие иных вариантов развития экономических отношений, альтернативных национализации.

• Почему Урал стал «форпостом» ускоренной национализации? По образному выражению Е. Н. Городецкого, район Урала стал «настоя-

щей лабораторией рабочего контроля, испытанием на практике различных его форм» [Городецкий, с. 240], что, в свою очередь, обусловило первенство в деле национализации промышленных предприятий. Чем объяснить подобное явление?

Сказался ряд объективных и субъективных факторов. Пребывание владельцев горнозаводских округов Урала и представительных органов уральских горнопромышленников в Петрограде заведомо осложняло как любые переговоры рабочих и предпринимателей, так и саму возможность консолидированных действий буржуазии в регионе. На буржуазный характер противоречий накладывался также полуфеодалный характер земельных отношений на Урале: большинство рабочих частновладельческих горнозаводских округов свои земельные участки арендовали у заводчиков [см.: Алеврас, с. 194—201]. Речь идет о специфике уральских заводчиков, выступавших в качестве владельцев земельных латифундий. Декрет о земле требовал изъятия земельных и лесных владений, принадлежащих горным округам, порождая дополнительную волну конфронтации.

При общей зависимости российской милитаризованной промышленности от государственных заказов и гарантированной оплаты продукции техническая отсталость значительной части уральских предприятий [Филоненко, с. 7] обусловила такую степень финансовой зависимости от государственной поддержки, при которой промышленность региона могла существовать только при условии получения ежемесячных кредитов от казны [см.: Там же, с. 69, 113—114].

Обратим внимание и на следующее обстоятельство: в России степень милитаризации в сфере труда оказалась выше, чем в других воюющих странах. Так, в военной индустрии России было занято 76 % промышленных рабочих, Германии — 58,3 %, во Франции — 57%, Италии — 64,2 %, Англии — 46 % [Первая мировая..., с. 224—225]. Степень милитаризации труда в экономике Урала была выше общероссийского показателя и равнялась 86,9 % [Россия..., с. 70]. Переплетение рабочего и земельного вопросов произошло в регионе, где демилитаризация промышленности (в годы войны на производство военной продукции было переведено 76 крупнейших предприятий Урала) [см.: Абрамовский, Буданов, с.185] была наиболее сложной проблемой.

Вместе с тем Урал представлял еще и пример наиболее глубокого раскола и размежевания в рабочем социуме, порождая дополнительные вспышки «левизны». Еще до выхода декрета о рабочем контроле (14 ноября 1917 г.) 27 октября Уральский областной совет рабочих и солдатских депутатов предложил местным советам немедленно приступить к установлению рабочего контроля на предприятиях [см.: Лисовский, с. 523].

Поскольку такое решение вызвало обоснованный протест горнопромышленников, областной совет рабочих и солдатских депутатов в конце ноября 1917 г. направил члена исполкома областного совета В. А. Воробьева в СНК. В ходе личной беседы с Лениным глава СНК сформулировал программу действий для уральцев: немедленный арест правлений уральских заводов и конфискация заводов. Так же как и месяцем раньше, в период подготовки и проведения Октябрьского переворота, взгляды леворадикальных политиков и маргинальной части рабочих совпали. В результате уже в ноябре — декабре 1917 г. последовали массовые аресты представителей администрации в горнозаводских округах, членов Екатеринбургского бюро горнопромышленников [Шакинко, с. 293—294].

Прецедент поездки В. А. Воробьева и ее результат стал примером для большевизированной части рабочих. В Петроград в декабре 1917 г. были направлены делегации рабочих ряда горнозаводских округов с просьбой о проведении национализации, которые, без сколько-нибудь серьезного обсуждения этого вопроса, получили поддержку Ленина и официальные решения СНК о национализации 8 горнозаводских округов [см.: Абрамовский, Буданов, с. 9]. Ускоренная национализация казалась центральным и уральским советским органам наиболее простым путем преодоления действительно сложнейшей проблемы демилитаризации экономики, даже учитывая предостережения специалистов о пагубности механического соединения («трестирования») технически слабых предприятий, страдающих от нехватки сырья и топлива [см.: Филоненко, с. 69, 10—11].

Национализация коснулась в первую очередь тех горнозаводских округов, где еще в годы Первой мировой войны произошло резкое обострение трудовых отношений. Показателен пример первенца национализации — Богословского горнозаводского округа (ГЗО). Здесь еще в июле 1917 г. рабочими была устранена значительная часть администрации заводов Богословского ГЗО, в том числе почти все начальники цехов; директор крупнейшего на Урале Надеждинского завода. Вопрос о ситуации в Богословском ГЗО обсуждался на совещании у министра торговли и промышленности, но рабочие отказались пойти на компромисс. Ответом администрации заводов Богословского ГЗО стало жесткое предупреждение рабочим: продолжение производства станет возможным только при условии прекращения вмешательства рабочих в управление предприятиями [см.: Рабочий класс Урала, с. 11—17].

Остановимся на этапах подготовки национализации на Урале.

Первый этап определил Декрет ВЦИК И СНК о рабочем контроле (обосновавший в законодательном порядке право рабочих коллективов

проводить широкий распорядительный рабочий контроль над всеми сферами заводской жизни), обостривший до предела классовую борьбу в регионе.

Второй этап был вызван резким неприятием Декрета ВЦИК и СНК о рабочем контроле Советом съезда горнопромышленников Урала: на установление рабочего контроля было решено закрывать предприятия [см.: Абрамовский, Буданов, с. 78]. Очевидно, что возможности, пусть даже призрачные, переговорного процесса с горнопромышленниками были использованы не до конца. В этом контексте не закономерности экономического развития, а двухсторонний радикализм ускорил последующую национализацию. Однако основная часть вины ложится на леворадикальные силы. Со стороны новой власти, ответственной за гражданский мир в обществе, это была подмена экономических задач политическими целями.

Третьим этапом стало издание 2 декабря 1917 г. (всего через две недели после постановления о рабочем контроле!) декрета, предусматривающего переход от рабочего контроля к управлению национализированным производством.

В ходе национализации промышленности карательные мотивы явно преобладали над плановыми [см.: Там же, с. 112]. Идеология оказывалась сильнее рациональных начал, содержащихся в планах советской власти: национализация органами власти не только крупнейших синдикатов, но массы средних и даже мелких предприятий носила хаотичный характер, была оторвана от общегосударственных задач и планов. Кроме того, часть заводских коллективов рассматривала национализацию как переход предприятия в собственность трудового коллектива [Там же, с. 101—108]. В отличие от других районов, на Урале еще до лета 1918 г. была национализирована не только крупная, но и средняя промышленность [см.: Гараев, с. 43]. Это объяснялось тем, что национализация касалась не отдельных предприятий, а горнозаводских округов в целом. Из современников событий наиболее ярко картину возникшего в первые месяцы 1918 г. экономического хаоса выразил председатель Центрального совета фабзавкомов Урала А. А. Андреев: «Мы зачастую видим, что каждый завод или каждое предприятие существуют совершенно самостоятельно, регулируя производство, как ему заблагорассудится. ... Вся эта бессистемность наносит громаднейший вред народному хозяйству» [История социалистической экономики, с. 150].

Таким образом, достигнутый в Уральском регионе в конце 1917 — первые месяцы 1918 г. «самый высокий в стране уровень огосударствления» [см.: Филоненко, с. 64] отражал не повышенную энергию револю-

ционных рабочих-уральцев [см.: Ослоновский, Орлов, с. 27], не накопленный положительный опыт органов рабочего контроля [см.: Гараев, с. 41], а был своеобразной платой за техническую отсталость, полную зависимость уральских металлургических предприятий (определяющих лицо промышленности региона) от труда многочисленной армии крестьян — заготовителей древесного топлива, а в годы Первой мировой войны — от немногим меньшей массы военнопленных [Фельдман, с. 88—89]. Наложение комплекса противоречий буржуазного и феодального порядка, повышенной нормы милитаризации промышленности на Урале были усилены левым радикализмом большевистских лидеров.

Неправомерно в этой связи возложение главной вины за национализацию горнозаводских округов на «производственный саботаж заводладельцев и администрации предприятий», тем более что авторы тут же признают: горнопромышленники были поставлены в безвыходное положение, лишившись свободы предпринимательства и коммерческой тайны, права распоряжаться денежными средствами [см.: Абрамовский, Буданов, с. 97, 99].

• Исходила ли инициатива национализации от самих рабочих? В советской историографии национализация промышленности рассматривалась как закономерный процесс, инициаторами которого выступали сами рабочие [История советского рабочего класса, с. 189—195]. Ускоренный характер национализации промышленности объяснялся неприятием, саботажем владельцами предприятий первых мероприятий советской власти. Инициатива национализации действительно исходила от ряда конкретных групп рабочих.

Систематизация причинно-следственных связей национализации предприятий позволяет воссоздать подлинные причины деприватизации. Первую причину не скрывала советская историография: «подавляющее большинство национализированных в этот период предприятий имели общегосударственное значение» [Баевский, с. 45]. Национализация на первом этапе проводилась в «первую очередь исходя из значимости предприятий» [История социалистической экономики, с. 123]. Та удивительная быстрота, с которой СНК и его глава поддерживали ультралевацкие предложения рабочих крупных предприятий, нацеленные на удаление владельцев собственности [см.: Дробижев, с. 84—85], выдает картину фактической манипуляции действиями пролетариев. Еще одной причиной стала задача проведения быстрой, если не сказать обвальной, демилитаризации.

Зачастую в организационном плане рабочие, выдвигавшие предложение о национализации своих предприятий, были связаны с фабрично-за-

водскими комитетами тех предприятий, которым демилитаризация (демобилизация) промышленного производства грозила лишением части рабочих мест. Начало демилитаризации в общегосударственном масштабе обычно связывают с принятием 9 декабря 1917 г. СНК обращения «Ко всем товарищам рабочим России», где администрации заводов при содействии фабзавкомов предписывалось прекратить производство военной продукции и приступить к демобилизации промышленности [Декреты, с. 196—198]. Согласно постановлению наркома труда А. Г. Шляпникова от 20 декабря 1917 г., фабзавкомы (заметим, уже без администрации!) получили право закрывать предприятия сроком до одного месяца для разработки необходимых мер по демилитаризации производства. За это время необходимо было определить характер будущей работы и число рабочих. Уволенным рабочим была обещана компенсация в размере месячного заработка и постановка на учет на биржу труда [см.: Абрамовский, Буданов, с. 182—183].

В циркуляре Временного ЦК союза металлистов, крупнейшего профсоюза страны, проблема сокращения штатов на предприятиях, подлежащих демилитаризации, возлагалась исключительно на фабзавкомы. Циркуляром профсоюзного органа власть нацеливала фабзавкомы на увольнение основной массы неквалифицированных рабочих; им же предстояло увольнение «лишних» специалистов.

Парадокс заключался в том, что фабзавкомы, избираемые на общих собраниях и в большинстве своем состоящие из неквалифицированных рабочих [см.: Филоненко, с. 30], стремились любой ценой не допустить сокращения занятых на производстве. В национализации промышленных предприятий неквалифицированные слои рабочих, наиболее активно поддерживавшие леворадикальные организации вообще и ФЗК в частности, видели единственный путь сохранения рабочих мест. В этом сказывались не столько особая психоментальность русских рабочих, уверенных, что власть обязана позаботиться о них в экстремальных обстоятельствах, сколько вера в безграничные возможности пролетарского государства, «освобожденного» от рыночных реалий. Совершенно не осведомленные в экономических, юридических и финансовых вопросах, фабзавкомы с легким сердцем доводили эксплуатационные расходы до фантастических размеров. Так, группа национализированных местными силами уральских заводов каждый месяц в первые пять месяцев 1918 г. приносила государству 70 млн. чистого убытка [см.: Филоненко, с. 69]. Если учесть, что всего Областному правлению национализированных заводов за первое полугодие 1918 г. было выделено 525 млн рублей [История народного хозяйства, с. 28], напрашивается вывод о начале этапа «проедания» основного капитала промышленности.

В еще меньшей степени фабзавкомы были готовы к решению вопросов технического характера, связанных с демилитаризацией. Даже к осени 1918 г. только четверть всех ФЗК промышленных предприятий, половина ФЗК промышленных предприятий с числом рабочих 500 и более привлекали к работе по управлению производством «буржуазных» специалистов, занимавших, как правило, низшие посты на фабриках и заводах [см.: Дробинцев, с. 55, 57]. Сочетание неквалифицированных рабочих и технических специалистов низшей квалификации не позволяло провести конверсию предприятий. Характерен пример Урала, где «раньше и успешнее, чем где бы то ни было, была осуществлена национализация всей горнозаводской промышленности» [История социалистической экономики, с. 127].

По обоснованному замечанию советского исследователя промышленности Урала В. С. Голубцова, к концу марта 1918 г. производство вооружения прекратилось почти на всех заводах региона. На этой стадии демобилизация ограничилась закрытием цехов, выпускавших до этого военную продукцию» [Голубцов, с. 50]. Современные историки отмечают: в первом полугодии 1918 г. дело обычно сводилось к консервации цехов, либо к полукустарному производству орудий сельхозназначения [Абрамовский, Буданов, с. 186—193]. Редкий случай совпадения взглядов советских и постсоветских историков по столь важной и идеологизированной в недавнем прошлом проблеме объясняется, пожалуй, невозможностью привести доказательства в пользу успешного хода демилитаризации. Отметим и то, что и в советской литературе также трудно было замолчать протест рабочих (например, Усть-Катавского завода) против неподготовленной национализации [см.: Гараев, с. 49].

Подведем итог. Инициатива национализации действительно исходила от определенной части рабочих. Это были, как правило, рабочие тех предприятий, где еще в годы Первой мировой войны произошло резкое обострение трудовых отношений. Кроме того, в своей массе это были пролетарии, недавно пришедшие на производство. Наибольшую активность в поддержке фабзавкомов и идеи национализации проявили малоквалифицированные рабочие. Именно эта категория рабочих России, не имея собственного жилья и земельных участков, представляла собой тех «классических» пролетариев [см.: Фельдман, 2001, с. 100—107, 120—124], от имени которых и выступали большевики. Пролетарская часть рабочего класса, характерная для общества раннеиндустриальной модернизации, с помощью Советского государства навязывала свои требования кадровому составу промышленных рабочих, инженерно-техническим специалистам, глубже понимавшим сложность организации современного производства.

Национализация 836 крупных предприятий промышленности к апрелю 1918 г. в советской и порой в постсоветской литературе объяснялась и объясняется необходимостью преодоления саботажа капиталистов [см.: Дробижев, с. 84]. Между тем в резолюции VI съезда РСДРП (б) в июле 1917 г. «Об экономическом положении» содержалось программное заявление о необходимости национализации и централизации банковского дела, национализации ряда синдицированных предприятий в ведущих отраслях промышленности. Подтверждая декреты о рабочем контроле и о ВСНХ, III Всероссийский съезд советов (январь 1918) характеризовал их в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа как «первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства в собственность Советской рабоче-крестьянской республики» [Венидиктов, с. 27].

Признание факта искусственного характера ускоренной национализации зафиксировано и в фундаментальном труде по истории экономики СССР, где подчеркивалось, что скорейшего выполнения программы национализации требовали программные документы большевистской партии о переходе всех крупных предприятий в собственность государства [История социалистической экономики, с. 125]. Следовательно, то, что произошло в первые месяцы советской власти, было обусловлено не ответными мерами, а политическими причинами, самой стратегией большевиков. «Красногвардейская атака на капитал» и «красногвардейская атака» на политическую власть были неразрывно связаны и представляли в историческом контексте единое целое.

Национализация предприятий не устраняла проблемы, а порождала их на новом уровне. После национализации предприятия требовали от центра кредитов и поставок сырья вне государственных заказов. Однако ВСНХ в первом полугодии 1918 г. положительно решил вопрос только в отношении 40 % запрашиваемых средств [Филоненко, с. 35]. Показателен комментарий главы СНК весной 1918 г., характеризующий итоги первого этапа национализации. «Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, наконфисковывали, набили, наломали, чем успели подсчитать [Ленин, с. 294]. Не случайно после этого ленинского самобичевания в апреле 1918 г. и известных заявлений главы СНК о передышке с ходом национализации (десятилетиями запутывавших историков) начиная с мая 1918 г. последовал второй этап национализации, направленный на отчуждение крупных предприятий всех основных отраслей промышленности. «В войне против капитала, — писал В. И. Ленин в апреле 1918 г., — движение вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи» [Там же, с. 176].

Следствием ухудшающегося положения промышленных предприятий стало снижение, например, показателя промышленного производства в Уральском регионе за первый квартал 1918 г. (относительно мирного времени в крае) на 30 % [Труды..., с. 310, 312]. Однако этот показатель, введенный в научный оборот в 1918 г., судя по данным И. А. Гладкова, только частично указывает подлинную картину падения производства [см.: Гладков, с. 172]. Исследователи еще в советское время отмечали проявления в процессе национализации черты поспешности и «левизны». Но при этом тут же делали реверанс перед правящей партией, подчеркивая, что все-таки в ходе «красногвардейской атаки на капитал» преобладали «трезвый расчет и продуманное планирование» [Голубцов, с. 37, 72]. Однако трудно говорить о каком-то продуманном планировании, если практически на каждом заседании президиума ВСНХ перевод предприятий в государственную собственность утверждался целыми списками [см.: Филоненко, с. 39]. Судя по итогам национализации экономики на Урале, еще одной причиной нового этапа деприватизации стала неспособность руководства в центре и на местах добиться какого-то взаимодействия государственного и частного секторов.

Национализация быстро указала подлинное место органов рабочего контроля в Советском государстве. Второй Всероссийский съезд совнаркозов (декабрь 1918) принял резолюцию о рабочем и государственном контроле. Общий смысл сводился к следующему: рабочий контроль, существующий на предприятиях, сводился до минимума; в его компетенции оставалось только право надзора за ходом работы на предприятии и последующей ревизией. Снижение роли представительных органов было связано и с тем, что усиливающиеся государственные аппаратные структуры все в большей мере переходили к назначению управляющих, и выборные деятели от рабочих оставались не у дел. Принцип назначения, вытесняя присущую начальному этапу революции выборность, постепенно завоевывал все новые сферы деятельности. В 1919—1920 гг. произошла передача рабочих контрольных органов в РКИ [Филоненко, с. 72].

Отсутствие теоретической разработанности проблемы рабочего контроля обусловило скоротечность опыта применения такой формы рабочего самоуправления. Несколько месяцев (ноябрь 1917 — май 1918) хватило для того, чтобы в «пролетарском государстве» с поразительной отчетливостью было продемонстрировано: ФЗК и органы рабочего контроля не способны к эффективному управлению промышленностью. Используя структуры рабочего самоуправления в качестве инструмента сначала для захвата власти, а затем для ускоренной национализации, большевистская

партия оперативно провела их огосударствление либо включила рабочих активистов в стремительно бюрократицизирующийся госаппарат. Управлять промышленностью оказалось возможно только при непосредственном участии буржуазных специалистов. Горстка рабочих-фабзавкомовцев в составе ВСНХ хотя и занимала руководящие посты, но фактически полностью зависела от знаний инженерно-технического персонала. Не фабзавкомы, а органы управления, созданные в годы Первой мировой войны в центре и на местах, составили основу ВСНХ и совнархозов [см.: Дробижев, с.77—79]. Утопия управления руками рабочих уже в первые месяцы советской власти показала свою несостоятельность.

Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917—1918 гг. Челябинск, 2008.

Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1966.

Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917—1921) М., 1974.

Венедиктов А. В. Организация социалистической промышленности в СССР : в 2 т. Т. 1 : 1917—1920 гг. М., 1957.

Волобуев П. В. Пролетариат и рабочие России в 1917 г. М., 1964.

Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. Томск, 1984.

Гладков И. А. Очерки советской экономики, 1917—1920 гг. М., 1956.

Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917—1923). М., 1975.

Городецкий Е. Н. Рождение советского государства, 1917—1918 гг. М., 1965.

Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.

Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности : очерки истории ВСНХ (1917—1932). М., 1966.

История народного хозяйства Урала (1917—1945 гг.). Ч. 1. Свердловск, 1988.

История советского рабочего класса : в 6 т. Т.1. М., 1983.

История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 1. М., 1976.

Ленин В. И. Полное собрание сочинение. Т. 36.

Лисовский Н. К. 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967.

Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928.

Панкратова А. М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923.

Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998.

Россия в годы Первой мировой войны 1914—1918. М., 1925.

Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 98. С. 540; № 100. С. 551.

Труды первого Всероссийского съезда совнархозов. М., 1918.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг.: численность, состав, социальный облик. Екатеринбург, 2001.

Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитгорск, 2000.

Ходяков М. В. Социальное партнерство в 1917 г. (опыт примирительных камер Петрограда // Материалы межвуз. науч. конф. «Февральская революция в России и современность» : (к 80-летию юбилею Второй российской революции) : сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф. СПб., 1997. С. 38—52.

Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998.

Чураков Д. О. Внутрипартийные дискуссии о рабочем самоуправлении: революционный романтизм и первые шаги национал-большевизма // Гражданская война в России. События. Мнения. Оценки. М., 2002. С. 540—557.

Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в России (1917—1930-е гг.). М., 2007.

Шакинко И. М. Борьба большевиков с саботажем горнопромышленников // Вопр. истории Урала. Пермь, 1966.